

Алхимик Чёрного рынка

Greidin

Алхимик чёрного рынка

«Автор»

2026

Greidin

Алхимик чёрного рынка / Greidin — «Автор», 2026

Фармхимик Артём Черданцев приходит в себя в лаборатории другого мира и применяет научные знания к местной алхимии. Созданные им зелья помогают бедным, но втягивают его в подпольную торговлю, расследование, восстание и борьбу за формулы, способные лечить и калечить. Артёму приходится выбирать между эффективностью, законом и ценой исцеления.

© Greidin, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Пробуждение в реторте	5
Глава 2: Лицензия на дождь	11
Глава 3: Молекулы и мана	17
Глава 4: Хромая удача	23
Глава 5: Сеть	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Greidin

Алхимик чёрного рынка

Глава 1: Пробуждение в реторте

Первым вернулось обоняние.

Аммиак — резкий, щиплющий, как нашатырь, только гуще. Под ним — сладковатый оттенок горелой органики. Дальше — что-то маслянистое, тяжёлое, похожее на анилин, но с металлическим привкусом, которого у анилина быть не может. И ещё один слой, самый странный: запах, который Артём Черданцев не мог идентифицировать вообще. Тёплый, мерцающий, как будто пахло электричеством после грозы, только не озоном — чем-то живым.

Он открыл глаза и сразу пожалел об этом.

Свет бил под углом — серый, пыльный, из окна, затянутого бычьим пузырьём вместо стекла. Артём лежал на каменном полу лицом вниз, в луже чего-то маслянистого. Левая щека горела — контактный дерматит, автоматически отметил мозг, — ладони тоже. Он оторвал голову от пола и мир качнулся.

Лаборатория. Это была лаборатория — в этом Артём не сомневался, несмотря на полное отсутствие хоть одного знакомого предмета. Стекланные колбы — разбитые, большей частью — стояли на деревянных стеллажах вдоль стен. Не боросиликатное стекло, не Ругех, а что-то мутноватое, с пузырями, выдутое вручную. Медные трубки тянулись от потолка к чему-то вроде перегонного куба, только с тремя горлышками вместо одного. На полу — россыпь кристаллов, бурая каша из порошков, и повсюду — осколки.

Артём сел. Голова гудела. Он ощупал карманы — пусто. Телефон, бумажник, ключи, пропуск в институт — всё исчезло. Одежда на месте: джинсы, рубашка под лабораторным халатом, правда, халат был мокрый и пах тем самым неопознанным запахом. Очки — на месте, на носу, одна дужка погнута. Он расправил её пальцами и огляделся внимательнее.

Не его лаборатория. Не его институт. Не его страна, судя по архитектуре — толстые стены из грубо тёсаного камня, деревянные перекрытия, всё закопчённое и старое. Не кино, не розыгрыш. Розыгрыши не пахнут так. Контактный дерматит тоже невозможно подделать.

Артём поднялся, опираясь на стеллаж. Руки дрожали. Он заставил себя не думать о том, где он, и сосредоточился на том, что видит. Профессиональная деформация фармхимика: когда не понимаешь ситуацию — описывай её. Классифицируй. Маркируй.

Он подошёл к ближайшему уцелевшему стеллажу. Слянки с притёртыми крышками, подписанные от руки — чернилами, не маркером. Буквы незнакомые, но... нет. Знакомые. Латиница? Нет, что-то среднее между латиницей и кириллицей, и он мог это читать. Это было странно, но не страннее всего остального.

«Сульфур ректификатус». «Эссенция меркуриуса». «Нигредо, фаза 2».

Алхимия. Артём усмехнулся, и усмешка вышла больной. Он стянул с полки склянку с надписью «Сульфур ректификатус», вытащил пробку, понюхал. Сера. Обычная, очищенная, мелкого помола. Следующую — «Эссенция меркуриуса». Он ожидал ртуть, но в склянке была серебристая жидкость, слишком лёгкая для ртути, и она слабо мерцала.

Он наклонил склянку. Жидкость двигалась неправильно — текла вверх по стенке, против гравитации, и медленно стекала обратно. Артём замер с пузырьком в руке.

— Положи, — сказал голос за спиной.

Артём обернулся. В дверном проёме стоял старик — невысокий, кряжистый, с бородой до пояса и руками, покрытыми пятнами, какие бывают у людей, годами работающих с реакти-

вами. На нём был кожаный фартук поверх латаной рубахи. В правой руке он держал каменный пестик размером с небольшую дубинку.

— Положи, — повторил старик. — Это третичный меркуриус. Если уронишь, он сожжёт пол до фундамента.

Артём осторожно поставил склянку обратно.

— Я не вор, — сказал он, и собственный голос показался ему чужим.

— Все воры так говорят. — Старик не опускал пестик. — Как ты попал сюда? Дверь была заперта. Охранный круг на пороге не сработал. Ты — что?

Хороший вопрос. Артём и сам хотел бы знать ответ. Последнее, что он помнил: вечер среды, лаборатория Института психофармакологии, серия опытов с новым ингибитором обратного захвата — рутина. Затем показания на осциллографе поплыли, реагенты в колбе изменили цвет на тот, которого в спектре не существует, и — вспышка. Падение. Запах электричества.

— Я не знаю, — сказал Артём. — Я был в своей лаборатории. Потом — здесь.

Старик прищурился.

— В какой лаборатории?

— Институт психофармакологии. Отдел синтеза. Я работал с ингибиторами моноаминоксидазы.

Слова упали в тишину, как камни в колодец. Старик явно не понял ни одного, но глаза его сузились не от непонимания — от напряжённого внимания. Артём это заметил. Старик был не глуп.

— Ты алхимик? — спросил тот.

— Химик.

— Это одно и то же.

— Нет, это не... — Артём осёкся. Ладно. Не время для академических дискуссий. — Нечто вроде. Я работаю с веществами.

Старик опустил пестик. Не до конца — переложил в левую руку.

— Покажи.

— Что показать?

— Что ты знаешь.

Артём посмотрел на разгромленный стеллаж. Снял с полки первую склянку — порошок, белый, мелкодисперсный. Открыл, понюхал. Слабый кислотный запах.

— Салициловая кислота, — сказал он. — Или что-то очень близкое. У вас это как называется?

Старик моргнул.

— «Ивовый цвет». Ты определил по запаху?

— По запаху, цвету и дисперсности. — Артём взял следующую. Жёлтые кристаллы. — Это сера, она же у вас «сульфур». Вот это, — он указал на синий порошок на верхней полке, — похоже на сульфат меди. Пентагидрат, судя по оттенку. — Он взял ещё одну склянку, открыл, осторожно втянул воздух. — Камфора. Терпеноид. У вас, наверное, «лунный дух» или что-нибудь в этом роде.

— «Белое дыхание», — тихо сказал старик. Пестик опустился окончательно. — Ты назвал четыре субстанции по органам чувств за полминуты. Я тридцать лет в Ордене этому учился.

— Я шесть лет учился в университете и десять работал, — ответил Артём. — Это не магия. Это опыт.

— А вот это, — старик указал на мерцающую серебристую жидкость, — ты объяснить сможешь?

Артём посмотрел на склянку с «третичным меркуриусом». Жидкость снова текла по стенке вверх.

— Нет, — признал он. — Этого я объяснить не могу.

Старик помолчал. Потом протянул руку.

— Ефрем. Бывший алхимик Ордена Чистоты. Очень бывший.

— Артём. Бывший сотрудник Института психофармакологии. Видимо, тоже очень бывший.

Рукопожатие было крепким. Руки Ефрема пахли серой и ещё чем-то — тем самым запахом, который Артём не мог опознать. Тёплым. Мерцающим. Живым.

Ефрем дал ему воды — глиняный кувшин, привкус мела — и сказал ждать. Сам спустился вниз, долго гремел чем-то. Вернулся с мешком, в который собрал осколки с пола.

— Пойдём. Тебе надо увидеть город.

— Зачем?

— Чтобы ты понял, куда попал. И перестал делать вид, что справляешься.

Артём хотел возразить, но промолчал. Старик был прав.

Мельница стояла на холме, на самом краю города, где мощёные улицы переходили в просёлки, а дома — в заросшие пустыри. Крылья мельницы не крутились — одно было сломано, второе затянато холстиной. Ефрем, как выяснилось, давно не молол зерно. Мельница служила ему домом и лабораторией, а всё, что видели соседи, — чудаковатый старик, от которого иногда воняет серой.

Дорога в город заняла четверть часа. Тервин начался с кособоких домов, вросших в землю, с огородами на крышах и бельём, натянутым поперёк узких проулков. Артём шёл рядом с Ефремом и впитывал.

Булыжная мостовая, отполированная тысячами подошв. Канавы по обочинам — вонь сточных вод, мухи, бурая жижа. Женщина вылила помойное ведро из окна второго этажа; Ефрем привычно шагнул в сторону, Артём не успел и получил брызги на ботинок. Вонь была средневековой — без канализации, без хлорки, без антибиотиков. Артём подумал о тифе, потом о холере, потом напомнил себе, что здесь есть алхимия, и холеры может не быть вовсе. А может, есть что-то хуже.

Нижний город переходил в Средний постепенно. Дома становились выше, камень — светлее, улицы — шире. Появились лавки с вывесками: пекарь, кожевник, свечная мастерская. И первая аптека — каменное здание с зелёным крестом на двери. Не медицинским — алхимическим: крест был вписан в круг, а в круге вились символы, которые Артём пока не умел читать.

У аптеки стояла очередь — полдюжины человек, большей частью пожилых, терпеливо мёрзнувших у закрытой двери. Артём замедлил шаг, но Ефрем потянул его за рукав.

— Аптека Ордена. Всё по лицензии, всё по рецепту, всё втридорога. С самой чумы так. — Он не обернулся. — Завтра покажу подробнее. Сегодня — только смотри.

Дальше — мост через реку. Каменный, широкий, с перилами, на которых сидели голуби. На середине моста — пост: четверо в тёмно-серых плащах. Орден Чистоты. У каждого — жезл длиной с предплечье, тускло мерцающий на конце. Один из дозорных остановил торговца с тележкой, открыл мешок, что-то понюхал, кивнул. Торговец прошёл. Следующего — женщину с корзиной — просто пропустил, не глядя.

— Орден Чистоты, — сказал Ефрем тихо. — Дозорные. Следят, чтобы никто не варил, не торговал, не дышал без лицензии.

— Полиция?

— Хуже. Полиция ловит преступников. Эти — ловят всех, кто думает не так. — Ефрем отвёл взгляд от патруля. — Не паяйся. Они запоминают лица.

Они прошли мимо, не привлекая внимания. На левом берегу город менялся: широкие улицы, высокие дома с балконами, что-то похожее на ратушу с медным куполом. Алхимические фонари — медные столбы с шарами наверху, внутри которых плавал мутноватый свет. Не электричество, не газ — что-то иное. Тот самый мерцающий запах, который Артём уже начинал различать.

Он остановился у одного фонаря, потянулся.

— Не трогай, — сказал Ефрем. — Там эфирное масло с виталисом. Обожжёт.

Артём убрал руку. Виталис. Он запомнил слово.

Они вернулись на мельницу другой дорогой — через Верхний город, потом по тропинке вдоль городской стены. Артём шёл молча, и молчание было рабочим — он сортировал впечатления. Город с населением тысяч в пятьдесят, может больше. Технологический уровень — пятнадцатый век, если не считать алхимии. Алхимия заменяет электричество, медицину, часть промышленности. Контролируется монополией, которая имеет полицейскую и, вероятно, судебную власть. Рынок замкнут. Конкуренции нет.

Он знал эту модель. Видел её в отчётах о фармрынке Индии до дженериковой революции. Видел в истории Ост-Индской компании. Монополия на ключевой ресурс, подкреплённая страхом. Всегда одинаковая структура, всегда одинаковый результат: те, кто может платить, — живут. Остальные — терпят.

На верхнем этаже мельницы он подошёл к окну. Тервин лежал внизу — крыши, шпили, дым. Правый берег — теснота и хаос, левый — простор и медь. Река между ними — как граница между двумя мирами, которые притворяются одним городом.

— Это реально, — сказал он, и это не было вопросом.

— Это реально.

— Я не смогу вернуться.

— Не знаю. — Ефрем сел на свою койку, и пружины жалобно скрипнули. — Ты появился в моей лаборатории из ниоткуда. Взрыва не было. Охранный круг не сработал. Такого я за тридцать лет в Ордене не видел и за тридцать лет после — тоже.

— У меня тоже такого не было, — сказал Артём.

Он отвернулся от окна. Паника стояла где-то за грудиной, плотная, как комок ваты, но он держал её. Он всю жизнь держал эмоции за клиническими терминами — «тревожное расстройство», «острая стрессовая реакция», «дереализация». Термины помогали. Называешь чудовище по имени — оно становится симптомом. Симптом можно лечить.

Дереализация. Так он это назвал.

Проблема была в том, что обычно дереализация не пахнет салициловой кислотой и камфорой. Не чешется контактным дерматитом. Не сопровождается жидкостью, текущей вверх по стенке склянки.

— Я могу остаться? — спросил он. — Пока не разберусь.

Ефрем смотрел на него долго. В глазах старика Артём видел расчёт — не жадный, не злой, но практичный. Ефрем прикидывал.

— Ты назвал «ивовый цвет» по запаху, — сказал старик наконец. — Ты знаешь, как работают субстанции. Не рецепты — а почему они работают. Я тридцать лет этого ни от кого не слышал.

— Это базовая фармакология. Первый курс.

— У нас нет курсов. У нас есть Орден, который раздаёт рецепты, и алхимики, которые варят по ним, не задавая вопросов. — Ефрем помолчал. — Оставайся. Но есть правило: если Орден постучится — я тебя не знаю, ты здесь не живёшь, мы никогда не встречались.

— Если Орден постучится?

— Когда. — Ефрем поправил себя без улыбки. — Они всегда стучатся. Вопрос — когда.

Вечером они сидели на верхнем этаже мельницы и ели кашу из какой-то крупы — не гречка, не пшено, что-то местное. Ефрем раскурил глиняную трубку, и дым пах шалфеем.

Артём к тому моменту успел осмотреть лабораторию на нижнем этаже. Разрушения от его появления были серьёзные — минимум треть склянок разбито, медная трубка оторвана, перегонный куб сдвинут. Ефрем принял это стоически: «Я и не такое ронял. Переживём.»

Но Артём думал не о разрушениях. Он думал о том, что увидел на стеллажах. Салициловая кислота — она же аспирин в основе. Камфора — стимулятор. Сера, купорос, соли ртути, масла — всё знакомое, всё рабочее. И рядом — субстанции, которым в его таблице Менделеева места не было. Жидкости, которые меняли цвет при звуке голоса. Порошки, которые были холодными на ощупь, но обжигали, если о них думать. Кристаллы, которые светились в темноте разными цветами в зависимости от того, кто на них смотрит.

Артём сидел с миской каши в руках и чувствовал, как профессиональное любопытство начинает пересиливать страх. Это было знакомое ощущение — та же тяга, которая заставляла его в три часа ночи перепроверять спектры, пересчитывать константы ионизации, нюхать реагенты, когда инструкция требовала противогаз. Химик — это диагноз. Артём это всегда знал.

Здесь была химия. Другая, невозможная, с переменными, которые нарушали всё, чему его учили, — но химия. Вещества. Реакции. Субстраты и продукты. Причины и следствия. Где есть причина и следствие — можно работать.

Он поставил миску на стол.

— Ефрем.

Старик выпустил кольцо дыма.

— Та жидкость, которая текла вверх по стенке. Что это за вещество?

— Третичный меркуриус. Содержит виталис.

— Виталис — это что?

Ефрем затаился. Выпустил дым. Посмотрел на Артёма, как преподаватель на первокурсника, который хочет начать с четвёртого семестра.

— Это долгий разговор. Не на один вечер. — Он постучал трубкой по ладони. — Скажу одно: без виталиса ни одно зелье не работает. Всё, что ты видел в городе — фонари, жезлы дозорных, — всё на нём. И Орден контролирует всё, что с ним связано.

— Чума, — сказал Артём. — Ты обронил у аптеки: «С самой чумы так». Что это было?

— Двести лет назад алхимия вышла из-под контроля. Погибла треть населения. — Ефрем посмотрел на огонь в очаге. — Орден возник как ответ. Об остальном — завтра. Когда покажу тебе город как следует.

Артём хотел расспросить подробнее, но по лицу Ефрема видел: на сегодня хватит. Старик устал. Разбитая лаборатория, чужак из ниоткуда, поход в город — слишком много для одного дня, даже для того, кто тридцать лет варил зелья в одиночестве.

Артём откинулся на стуле. Снаружи гудел ветер, крылья мельницы поскрипывали. Город внизу затихал — фонари на улицах загорались один за другим. Патрули Ордена сменялись, и их жезлы мерцали в сумерках.

Он думал. Не о чуме — о том, что видел сегодня. Очередь у аптеки. Дозорные на мосту. Фонари, которые нельзя трогать. Мир, в котором одна организация контролирует всё, связанное с веществами, — от обезболивающего до уличного освещения. Он знал эту модель. Видел её в своём мире — в регулировании фармрынка, в патентных войнах, в том, как FDA могла похоронить препарат, который спас бы тысячи, потому что один человек из тысячи получил побочный эффект.

Он не знал ещё, прав Орден или нет. Может быть, контроль действительно спасает людей. Может быть, без него здесь повторилась бы катастрофа двухсотлетней давности.

Но он знал одно: то, что он видел на стеллажах Ефрема — кислоты, основания, экстракты, субстраты — работало по узнаваемым принципам. Фармакокинетика. Биодоступность. Мета-

болизм. Он пока не понимал виталис — но всё остальное мог понять лучше, чем любой местный алхимик. Не по рецептам, а по механизмам. Не что смешивать, а почему это работает.

Вопрос только: стоит ли вмешиваться?

Артём посмотрел на свои руки. Дерматит уже не горел — просто чесался. Руки фармхимика. Руки, которые в его мире взвешивали миллиграммы на аналитических весах, титровали растворы до третьего знака после запятой, собирали хроматографические колонки на ощупь, в темноте, потому что свет разрушал образец. Здесь у него не было ни весов, ни хроматографа, ни даже pH-метра. Но были знания — шестнадцать лет знаний, вбитых в пальцы, в нос, в привычку мыслить причинами и следствиями.

У него не было денег, не было документов, не было дома. Он был чужаком, который даже не мог объяснить, откуда пришёл. Единственное, что у него было — понимание, как работают вещества. И старик с мельницей, у которого были реагенты.

Артём посмотрел на Ефрема. Старик курил трубку и шурился на огонь в очаге. Руки в пятнах. Борода до пояса. Изгнанник. Тридцать лет один, на окраине города, с мельницей, которая не мелет, и лабораторией, которая теперь наполовину разбита.

— Ефрем, — сказал Артём. — Научи меня вашей алхимии. Я покажу тебе свою химию. Посмотрим, что получится.

Старик вынул трубку изо рта. Посмотрел на Артёма. Выпустил дым.

— Получится либо великое дело, — сказал он, — либо великая беда. Других вариантов с алхимией не бывает.

Он протянул трубку Артёму. Артём не курил, но взял. Дым был горьким и тёплым, и от него слегка кружилась голова.

За окном Тервин погружался в ночь. Фонари мерцали. Патрули шагали по мосту. Где-то далеко, в Нижнем городе, кто-то кричал — тонко, жалобно, и крик оборвался.

Артём затянулся ещё раз и вернул трубку.

Великое дело или великая беда.

Он всегда ставил на первое.

Глава 2: Лицензия на дождь

Артём проснулся от запаха серы.

Не того лёгкого оттенка, что висел в лаборатории, — густого, плотного, от которого щипало глаза. Ефрем уже не спал: снизу доносился скрежет каменного пестика и бормотание старика, перемежающееся кашлем. Артём сел на тюфяке, который Ефрем вчера бросил ему на пол — тонкий, набитый чем-то колючим, — и протёр очки. Дужка снова чуть погнулась за ночь.

На столе стояла миска с остатками вчерашней каши и глиняный кувшин с водой. Рядом — стопка одежды, которой вчера не было. Рубаха из грубого полотна, штаны, перевязанные верёвкой вместо ремня, и что-то вроде накидки без рукавов. Всё серое, ношеное, штопаное. Сверху — записка корявым почерком: «Оденься. Твоя одежда кричит.»

Артём посмотрел на свои джинсы и лабораторный халат. Ефрем был прав: в мире, где все носят лён и шерсть, человек в джинсах и халате из синтетики выглядит как пришелец. Чем он, собственно, и являлся.

Он переоделся. Одежда сидела криво — рубаха была велика в плечах, штаны коротковаты. Но хотя бы не кричала. Очки он оставил: без них мир расплывался, а расплывчатый мир в чужом измерении — роскошь, которую он не мог себе позволить.

— Сегодня — Аптечный квартал, — сказал Ефрем, когда Артём спустился. Старик стоял у перегонного куба, помешивая что-то густое и бурое в медной ёмкости. — Пойдёшь, посмотришь, как устроена торговля. Молча. Вопросов не задавай. Ты мой племянник из деревни, глухонемой от рождения.

— Глухонемой?

— Ты говоришь с акцентом, которого здесь нет. Слова те же, но строишь фразы странно. Как человек, который выучил язык по книге. Любой дознаватель заметит.

Артём вспомнил, как вчера свободно читал надписи на склянках в лаборатории. Буквы были знакомыми. Язык — тоже, но, видимо, не полностью: произношение, интонация, структура фраз — всё чуть-чуть не так. Достаточно, чтобы зацепить внимательный слух.

— Глухонемой, — согласился он.

Они вышли засветло. Утро было влажным — над Тервином висел туман, поднимавшийся от реки, и дома в Нижнем городе выглядели как зубы в гнилой челюсти. Ефрем вёл его другой дорогой — не через мост, а вдоль правого берега, где жилые кварталы переходили в торговые ряды.

По дороге Ефрем объяснял.

— Каждая аптека в королевстве — лицензирована. Лицензию выдаёт Орден. Раз в год — перепроверка. Рецепты — стандартные, утверждённые Коллегией Чистоты. Аптекарь варит по книге, продаёт по преysкуранту, платит десятину Ордену с каждого пузырька. Если хочет изменить рецепт — подаёт прошение. Среднее время рассмотрения — четыре года.

— Четыре года?

— Это если повезёт. Большинство прошений отклоняют. Формулировка: «Не соответствует стандартам чистоты и безопасности». — Ефрем хмыкнул. — Я подавал семнадцать прошений. Приняли ноль.

— Семнадцать?

— Семнадцать. Каждое — предложение удешевить обезболивающее. Другой состав, та же эффективность, треть стоимости. Ноль.

Артём промолчал. Семнадцать прошений. Тридцать лет в Ордене — и в конце изгнание. Он начинал понимать, почему Ефрем живёт один на мельнице.

— А если варить дома? — спросил Артём. — Для себя?

Ефрем показал на стену дома, мимо которого они проходили. Выцветшая краска, но буквы читались: «По указу Ордена Чистоты: приготовление, хранение и распространение алхимических субстанций без действующей лицензии карается каторжными работами сроком от пяти до двадцати лет. За повторное нарушение — казнь.»

— Для себя тоже, — сказал Ефрем. — Даже настойку от кашля нельзя. Даже мазь от мозолей. Орден считает, что любое зелье, приготовленное без надзора, — потенциальная угроза. После чумы это казалось разумным. Двести лет спустя — казалось привычным. Разница есть, но люди её не замечают.

Аптечный квартал располагался в Среднем городе, по обе стороны широкой улицы с каменными сточными желобами. Здесь было чище, чем в Нижнем, — кто-то подметал мостовую, канавы прикрыты деревянными щитами. Аптеки стояли через два дома на третий: каменные здания с зелёными алхимическими крестами на дверях, витрины с рядами одинаковых склянок. Артём считал машинально — семь аптек на одну улицу, каждая с очередью в три-пять человек. Монополия, но с видимостью конкуренции.

Ефрем остановился у крайней аптеки, привалился к стене напротив.

— Смотри, — тихо сказал он. — Через минуту увидишь.

Артём увидел.

По улице приближались трое в тёмно-серых плащах. Не дозорные с жезлами — другие: плащи были того же цвета, но с серебряной нашивкой на левом плече. У каждого — кожаная сумка и свиток. Дознаватели.

Они вошли в аптеку без стука. Через открытую дверь Артём видел, как один из них развернул свиток перед аптекарем — невысоким человеком с покрасневшими руками, — и начал зачитывать. Голос был негромкий, но в тишине квартальной улицы каждое слово резало как скальпель.

— Плановая проверка. Партия обезболивающего «ивовый цвет», серия четырнадцать. Отклонение от стандарта: концентрация виталиса ниже допустимого на семь процентов. Партия конфискуется.

Аптекарь стоял, сцепив руки. Не протестовал. Не спорил. Даже не спрашивал, кто мерил концентрацию и как. Двое других дознавателей уже снимали склянки с полки — десять, двадцать, тридцать пузырьков. Складывали в ящик. Аптекарь смотрел, как у него забирают две трети товара, и молчал.

Очередь у входа тоже молчала. Старик с обвязанной рукой, женщина с ребёнком на руках, мужчина, опиравшийся на палку. Никто не пошевелился. Никто не возмутился.

— Семь процентов, — прошептал Артём.

— Может, семь. Может, ноль. — Ефрем не отводил глаз от сцены. — Измеряют они сами, показывать приборы не обязаны. Если аптекарь попросит перемерить — его лицензию приостановят «до выяснения». Выяснение занимает полгода. Без лицензии он не может торговать. Без торговли — не может кормить семью. Понимаешь систему?

Артём понимал. Он видел эту систему. В его мире она называлась «регуляторный захват» — когда орган контроля перестаёт защищать потребителя и начинает обслуживать монополию. FDA, EMA, Роспотребнадзор — разные буквы, одна механика.

Дознаватели вышли с ящиком конфискованных склянок. Тридцать пузырьков. Артём прикинул: если каждый стоит полторы меди, это сорок пять медяков, месячный доход грузчика — в одном деревянном ящике. Аптекарь стоял за прилавком и смотрел на пустые полки. Потом медленно закрыл дверь.

Очередь не разошлась. Люди остались стоять — теперь перед закрытой дверью, за которой не осталось товара. Стояли, потому что куда им идти?

— Конфискованное уничтожают? — спросил Артём.

Ефрем посмотрел на него долго. В этом взгляде была усталость человека, который задавал этот вопрос тридцать лет назад и не получил ответа.

— Орден говорит, что да. Публичное сожжение раз в месяц на площади Чистоты. Красивый ритуал: чёрный дым, дознаватели в парадных плащах, речь о безопасности. — Он помолчал. — Только я тридцать лет варил зелья и знаю: когда жгут настоящие субстанции, дым не чёрный. Он зелёный. С искрами. От виталиса.

Он не добавил вывода. Не было нужды.

Порт занимал всю южную часть правого берега — деревянные причалы, склады из потемневшего камня, запах рыбы и дёгтя. Баржи с грузами стояли вдоль набережной, грузчики таскали мешки и бочки. Ефрем привёл Артёма к маленькой лавке у причала — не аптека, но на полке за прилавком стояли знакомые склянки с зелёным крестом.

— Мелкая торговля, — пояснил Ефрем. — Портовым аптеку не по карману, покупают здесь по одной дозе.

За прилавком стоял краснолицый мужчина с масляными глазами. Ефрем кивнул ему.

— Доза «ивового цвета». Для племянника.

— Полторы меди.

Ефрем достал из кармана монету — мутную, медную, грубо чеканенную — и положил на прилавок. Продавец налил из большой бутылки в крошечный пузырёк — на глоток, не больше — и протянул.

Артём взял пузырёк. Крошечный — два пальца в высоту, мутное стекло с пузырями. Открыл. Понюхал.

Ивовый цвет — салициловая кислота. Он уже знал этот запах. Но здесь был ещё один компонент — тот самый мерцающий оттенок, виталис. Слабый. Едва заметный, как духи, которые выветрились три дня назад. Артём поднёс склянку к свету — жидкость была почти прозрачной, чуть желтоватой. Ни осадка, ни мутности. Идеально чистая. И идеально бесполезная.

Он сделал глоток. Вкус — горький, водянистый, с металлическим послевкусием. Через минуту контактный дерматит на ладонях чуть притих. Не исчез — приглушился, как музыку убавили на четверть. Через пять минут эффект начал уходить. Через десять — всё вернулось.

В его мире это называлось «суб-терапевтическая доза». Количество действующего вещества, недостаточное для клинического эффекта. Его дают крысам в контрольной группе, чтобы убедиться, что плацебо не работает. Здесь это продавали людям за дневной заработок.

Артём закрыл пузырёк и посмотрел на Ефрема.

— Концентрация действующего вещества — процентов десять от того, что могло бы быть. Виталиса — следы. Это не лекарство. Это даже не плацебо — плацебо хотя бы честно притворяется.

Ефрем кивнул. Он это знал. Знал тридцать лет. Подавал семнадцать прошений. Ничего не изменилось.

— Полторы меди, — сказал он. — Дневной заработок портового грузчика. За десять минут, которые даже не работают.

Артём обернулся. У соседнего причала грузчик — широкий мужчина лет пятидесяти с красным лицом и распухшими коленями — стоял, опираясь на мешок с зерном. Он не мог разогнуться. Каждый раз, когда пытался выпрямиться, лицо искажалось, и он возвращался в согнутую позу, которая давно стала привычной. Суставы, понял Артём. Воспаление, скорее всего дегенеративное, многолетнее — хрящевая ткань стёрта, кости трутся друг о друга при каждом движении. В его мире — диклофенак, ибупрофен, при необходимости кортикостероиды. Физиотерапия. Замена сустава, если совсем плохо. Здесь — глоток воды с привкусом аспирина за дневной заработок.

Грузчик поймал его взгляд и отвернулся. Не со злостью — с безразличием человека, который давно перестал замечать собственную боль, потому что замечать её слишком дорого.

Артём зашёл обратно в лавку. Купил ещё один пузырёк — последние медяки из горсти, что Ефрем дал ему утром, — и молча протянул грузчику. Тот посмотрел на пузырёк, потом на Артёма. Не поблагодарил. Выпил залпом, как водку, и вернулся к мешкам. Через минуту двигался чуть свободнее. Через десять — снова стоял согнувшись.

Артём смотрел на него и считал. Полторы меди в день. Триста рабочих дней в году. Четыреста пятьдесят медяков на боль, которая не проходит. Целый доход — на лекарство, которое не лечит. Всю жизнь.

Ефрем ждал его у причала. Посмотрел на пустые руки Артёма — медяков не осталось — и ничего не сказал. Не нужно было.

Вечером Ефрем достал из-под койки глиняный кувшин — не с водой. Что-то мутное, желтоватое, с запахом ржаного хлеба и прогорклого масла. Местное пиво или что-то вроде.

Артём не пил. Ефрем пил — медленно, маленькими глотками, и с каждым глотком его борода двигалась всё свободнее.

— Ты спрашивал вчера про чуму, — сказал он, когда кувшин опустел на треть. — Я сказал «завтра». Вот — завтра.

Он набил трубку и закурил. Дым поплыл к потолку.

— Серая чума. Двести семнадцать лет назад — если считать по хроникам, которые Орден не сжёг. Алхимия была свободной. Не как сейчас — тогда лицензий не было вовсе. Гильдии, артели, одиночки — каждый варил что хотел. Тервин был центром. Три сотни мастерских в одном городе.

Он выпустил дым.

— Кто-то — никто не знает кто — создал зелье. Его называли «серебряная панацея»: лечило всё. Боль, лихорадку, раны, даже старость якобы замедляло. Серебристая жидкость, красивая, без запаха. Первые недели все думали — чудо. Лавки не успевали разливать. Целые семьи покупали бочонками. Дворяне поили слуг. Матери давали детям. — Ефрем помолчал, и пауза была такой, что потрескивание огня в очаге стало громким. — Через неделю у первых начала сереть кожа. Сначала на руках — пятна, как пепел. Потом — шея, лицо. Через две недели — отказывали почки, печень, селезёнка. Люди умирали серыми, как статуи, с открытыми глазами. Через месяц треть Тервина лежала в общих ямах за городской стеной. Десять алхимиков работали сутками, чтобы рыть могилы зельем для размягчения камня. Не успевали. Трупы штабелевали у стены и жгли.

Артём слушал. Он не перебивал. В его мире было слово для такого — ятрогенная катастрофа. Лекарство, которое убивает. Талидомид. Виокс. Только здесь — в масштабе Чернобыля.

— Орден Чистоты появился через год, — продолжил Ефрем. — Группа алхимиков, которые пережили чуму и поклялись: больше никогда. Контроль. Стандарты. Лицензии. Сперва это имело смысл — они действительно проверяли рецепты, ловили шарлатанов, не давали варить опасное. А потом... — Он отхлебнул из кувшина. — Потом контроль превратился в бизнес. Кто контролирует алхимию — контролирует королевство. Орден это понял лет через пятьдесят. И к третьему поколению дознавателей уже не имело значения, зачем всё начиналось. Важно было — кто наверху.

— А ты? — спросил Артём. — Почему тебя выгнали?

Ефрем долго смотрел на огонь. Трубка дымилась между пальцами.

— Я предложил удешевить обезболивающее. Тот самый «ивовый цвет». Другой субстрат — дешевле, доступнее, и по моим расчётам эффективность не падала. Может, даже росла.

Подал прошение в Коллегию. Мне было тридцать восемь, я был старшим алхимиком Западного крыла. Думал, что меня послушают.

— Не послушали.

— Хуже. Пригласили на закрытое заседание. Сказали: «Ефрем, мы ценим твоё рвение. Но если обезболивающее станет дешёвым — кто будет покупать по полной цене? Если все смогут позволить себе лекарство — зачем им лицензированная аптека? Зачем им Орден?» — Он затянулся. — Я не понял намёка. Подал ещё одно прошение. Потом ещё. На семнадцатом меня лишили звания и изгнали. Формулировка: «Систематическое нарушение принципов чистоты и безопасности». На языке Ордена это означает: «Ты задаёшь неудобные вопросы».

Тишина. Ветер скрипел крыльями мельницы.

— Есть ещё кое-что, — сказал Ефрем тише. — Легенда. Может, правда. Среди старых алхимиков ходит рассказ: был один из Ордена — давно, ещё до реформы, может, при основании. Гениальный. Может, самый гениальный за всю историю. Он ушёл вниз — в катакомбы под старым кварталом. Искал что-то. Нашёл.

— Что нашёл?

— Никто не знает. Он не вернулся. Лабораторию замуровали. Орден запретил упоминать его имя. Но старые мастера шепчутся: он нашёл то, чего искали все, — суть виталиса. Как он работает. Почему он работает. — Ефрем выбил трубку о ладонь. — А может, это просто сказка, чтобы ученикам было чего бояться.

Артём запомнил. Суть виталиса. Замурованная лаборатория. Алхимик из Ордена, который не вернулся. Может быть — сказка, чтобы ученики боялись лезть не в свои дела. Может быть — нет. В его мире тоже были легенды о потерянных формулах: дамаская сталь, греческий огонь, рецепт Страдивари. Половина оказалась правдой. А другая половина — правдой, которую ещё не нашли.

Ефрем уснул, уронив голову на стол. Кувшин был пуст. Трубка погасла.

Артём сидел у окна и смотрел на Тервин.

Город не спал. Фонари горели. Дозорные шагали по мосту — смена за сменой, жезлы мерцали в темноте, как светляки. Где-то на правом берегу лаяла собака. Где-то на левом — смеялись, и смех был пьяный и короткий.

Артём думал о грузчике. Не о вчерашней очереди у аптеки, не об абстрактной несправедливости — о конкретном человеке с опухшими коленями, который выпил десятиминутное облегчение залпом и вернулся к мешкам. Не поблагодарил. Не потому что грубый — потому что привык. В мире, где боль стоит дневной заработок и действует десять минут, благодарность — роскошь.

Артём знал, как сделать обезболивающее в десять раз эффективнее за ту же стоимость. Он знал это со вчерашнего дня, когда понюхал «ивовый цвет» на стеллаже Ефрема. Принцип биодоступности — увеличить усвояемость действующего вещества, не увеличивая дозу. Первый курс фармакокинетики. Банальность, которой этот мир не знает.

Вопрос, который мучил его вчера — «стоит ли вмешиваться?» — больше не стоял.

Стоял другой. Практический: как. Он не мог открыть аптеку — лицензия. Не мог продавать зелья — каторга. Не мог даже варить их легально — Орден контролировал все источники сырья, все рецепты, все каналы.

А нелегально?

Он вспомнил лицо аптекаря, у которого конфисковали товар. Покорность. Привычный страх. Двести лет страха, переданного по наследству.

Потом вспомнил Ефрема. Семнадцать прошений. Целая карьера. Изгнание за попытку помочь.

Орден не защищал людей от плохих зелий. Орден защищал свою монополию от хороших.

Артём встал.

Он не был героем. Не был революционером. Не был сострадательным филантропом — грузчик у причала тронул его не как человек, а как задача. Невылеченный артрит при наличии салициловой кислоты и виталиса — это не трагедия, это халтура. Инженерный дефект, который можно починить. Артём всю жизнь чинил инженерные дефекты. Разница была в том, что раньше он чинил их за зарплату, в лаборатории с кондиционером и хроматографом, а теперь будет чинить нелегально, в подвале ветряной мельницы, рискуя каторгой.

Ему стоило бы испугаться. Он это понимал. Каторга — это не штраф, не увольнение, не запись в личном деле. Это кандалы и рудники, из которых, по словам Ефрема, не возвращаются. Но страх не приходил. Вместо страха было знакомое, почти забытое чувство — азарт перед экспериментом. Тот самый, из-за которого он в три часа ночи нюхал реагенты без противогаса.

Он спустился на нижний этаж, в лабораторию. Стеллажи с уцелевшими склянками слабо мерцали в темноте — виталис в некоторых составах светился сам по себе. Артём прошёлся вдоль полок. «Ивовый цвет». «Белое дыхание». Сера. Купорос. Реагенты. Инструменты. Перегонный куб с тремя горлышками.

Он не знал ещё, как работает виталис. Не знал местных методов. Не знал, где достать сырьё, кому продать продукт, как не попасться Ордену.

Но он знал, почему салициловая кислота снимает боль. Знал, как увеличить биодоступность без изменения дозировки. Знал разницу между активным метаболитом и пролекарством. Знал, что аспирин — это ацетилсалициловая кислота, а не салициловая, и что ацетилирование повышает переносимость в четыре раза.

Шестнадцать лет знаний. И мельница, на которой никто не мелет зерно.

Артём взял с полки склянку с «ивовым цветом», открыл, понюхал. Знакомый запах. Слабый, разбавленный, жалкий.

Он мог лучше.

Он будет лучше.

Глава 3: Молекулы и мана

Ефрем нашёл его утром в лаборатории.

Артём сидел на перевёрнутом ведре перед стеллажом с уцелевшими склянками и писал. Не на бумаге — бумаги у него не было. Он нашёл обрывок пергамента и кусок угля, и три часа составлял таблицу: слева — алхимическое название вещества, справа — его химический аналог, если такой существовал. «Ивовый цвет» — салициловая кислота. «Белое дыхание» — камфора. «Сульфур» — сера. «Купоросный камень» — сульфат меди. Двадцать три строки. Четыре вещества он не смог идентифицировать вообще — те самые, с виталисом.

— Ты не спал, — сказал Ефрем. Не вопрос — констатация.

— Не мог.

Старик посмотрел на пергамент. Взял, поднёс к глазам. Долго разглядывал. Потом посмотрел на Артёма так, как профессор смотрит на первокурсника, который случайно доказал теорему.

— Ты за одну ночь каталогизировал мою лабораторию.

— Две трети. Остальное — то, чего я не понимаю.

— Виталис.

— Виталис, — подтвердил Артём.

Ефрем сел на ступеньку лестницы, ведущей наверх. Расправил бороду, привычным жестом разгладил фартук. Помолчал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Если ты собираешься варить — а ты собираешься, я вижу по твоим глазам, — тебе нужно знать основы. Не рецепты. Рецепты — это для аптекарей. Тебе нужна система.

Он встал, подошёл к стеллажу и начал снимать склянки, выстраивая их на рабочем столе в ряд.

Урок продолжался до полудня.

Ефрем учил не как университетский профессор — не было ни теории, ни определений, ни схем. Он учил как ремесленник: вот вещество, вот что оно делает, вот что будет, если его смешать с этим. Тридцать лет практики, спрессованные в несколько часов разговора и демонстраций.

Алхимия Тервии строилась на четырёх столпах.

Первый — эссенции. Экстракты растений, минералов, животных тканей. Действующие вещества. То, что в мире Артёма называлось API — active pharmaceutical ingredient. «Ивовый цвет» — эссенция. Камфора — эссенция. Серебряная настойка горного лишайника, которую Артём не мог идентифицировать, — тоже эссенция. Ефрем достал склянку, показал: мутноватая жидкость цвета слоновой кости. Пахла хвоей и чем-то сладким.

— Основа девяти из десяти зелий — эссенция, — говорил он, переливая из склянки в мерный стакан. — Какую эссенцию берёшь — такое зелье получаешь. Простое правило.

— Как выбор действующего вещества в фармакологии, — сказал Артём.

Ефрем не знал слова «фармакология», но суть уловил. Кивнул.

Второй столп — субстраты. Растворители, связующие, основы, в которых эссенция распределяется. В мире Артёма — эксципиенты: лактоза в таблетках, вода для инъекций, глицерин в мазях. Здесь — «чистая вода» (перегнанная трижды через песок и уголь), «масло земли» (что-то вроде минерального масла, но с лёгким мерцанием), травяные отвары. Субстрат определял форму: жидкое зелье, мазь, кристалл.

— Субстрат — это тело зелья, — объяснял Ефрем. — Эссенция — душа. Без тела душа рассеивается. Без души тело — грязная вода.

Артём перевёл на свой язык: без субстрата действующее вещество нестабильно. Без действующего вещества субстрат инертен. Базовая фармацевтика. Первый семестр.

Третий столп — катализаторы. Вещества, которые ускоряли реакцию между эссенцией и субстратом, не входя в конечный продукт. Артём почувствовал себя как дома: катализаторы он знал до уровня молекулярных орбиталей. Здесь они назывались «проводниками» — кристаллическая соль из восточных рудников, медный порошок, высушенная кровь определённых видов ящериц.

— Кровь ящериц? — Артём приподнял бровь.

— Содержит особую форму виталиса. Животный виталис. Работает как ускоритель, потому что уже «живой». — Ефрем пожал плечами. — Не спрашивай, почему. Это работает. Этого достаточно.

Артём взял щепотку высушенной крови ящерицы, растёр между пальцами. Бурый порошок с металлическим оттенком. Ни запаха, ни блеска — ничего, что отличало бы его от обычной засохшей крови. Но если поднести к склянке с виталисом — золотистая капля внутри вздрагивала, словно чувствовала сородича.

— Видишь? — Ефрем указал на пузырёк. — Виталис в крови ящерицы откликается на чистый виталис. Они... общаются. Или резонируют. Я не знаю точного слова.

Для Ефрема — достаточно. Для Артёма — нет. Он привык к «почему». Без «почему» химия превращалась в кулинарию: делай по рецепту, не задавай вопросов, молись, чтобы вышло. Артём не молился. Артём хотел понимать.

Четвёртый столп — виталис.

Ефрем остановился. Отложил склянки. Сел напротив Артёма.

— Это то, чего ты не знаешь. И что я не могу объяснить до конца, потому что никто не может. — Он достал из кармана фартука маленький пузырёк, открыл. Внутри — несколько капель густой золотистой жидкости, не больше напёрстка. — Виталис. Чистый. Извлечённый из молодого дуба в полнолуние. Этого — на три-четыре зелья.

— Из дуба?

— Из растений, из животных, иногда — из людей. Виталис — это энергия живого. Не тепло, не движение, не электричество. Что-то другое. Он есть во всём, что живёт. Когда живое умирает — виталис рассеивается. Если успеть его собрать до рассеивания — можно использовать.

— Как извлекаете?

— Перегонка. Особый температурный режим, особый субстрат-ловушка, особая фаза луны. — Ефрем поморщился. — Звучит как суеверие, знаю. Но лунный цикл действительно влияет на концентрацию. Орден это подтверждал тысячами опытов.

Артём смотрел на каплю. Золотистая, густая, как мёд. Она слабо пульсировала — не в ритме сердца, а в собственном, медленном, как приливы.

— Без виталиса зелье — суп, — повторил Ефрем то, что говорил два дня назад. — С виталисом — зелье. Но есть проблема.

— Какая?

— Виталис непредсказуем. Он реагирует на живую ткань нелинейно. Одна капля — усиливает зелье вдвое. Две капли — могут усилить впятеро. Три — могут не дать ничего. Четыре — могут взорваться. Нет формулы. Нет закона. Есть опыт, интуиция и удача.

Артём медленно осознал масштаб проблемы. В его мире фармакокинетика была наукой: зависимость «доза — эффект» описывалась кривой Хилла, константами диссоциации, коэффициентами распределения. Здесь ключевая переменная не подчинялась ни одному из этих инструментов. Это было как строить мост, не зная, как работает гравитация: можно, но каждый второй мост рухнет.

— Орден когда-нибудь пытался это систематизировать? — спросил он.

Ефрем хмыкнул.

— Зачем? Пока рецепты работают — зачем понимать, почему? Рецепт — это власть. Понимание — это свобода. Орден предпочитает первое.

После обеда Артём попросил показать ему стандартный рецепт обезболивающего. Ефрем продиктовал: столько-то «ивового цвета», столько-то чистой воды, столько-то медного катализатора, три капли виталиса. Нагреть до кипения субстрата, помешивая по часовой стрелке. Остудить. Разлить.

— По часовой стрелке? — Артём посмотрел на Ефрема. — Серьёзно?

— Серьёзно. Не знаю почему. Если мешать против — осадок другой.

Артём не стал спорить. В его мире тоже были процессы, где направление перемешивания влияло на кристаллическую решётку продукта. Хиральность. Вращение поляризованного света. Может быть, виталис чувствителен к направлению — как оптически активные изомеры. Или может быть, это суеверие. Он проверит потом.

Он налил субстрат в медную ёмкость. Добавил эссенцию — «ивовый цвет», три мерные ложки. Медный катализатор — щепотку. Всё по рецепту. Потом остановился.

— Ефрем, а если я изменю соотношение?

Старик насторожился.

— Что именно?

— Эссенция — твоя салициловая кислота. Её здесь три мерные ложки на стакан субстрата. В моём мире стандартная доза аспирина — пятьсот миллиграммов, и он усваивается на семьдесят процентов. Ваше зелье я пробовал вчера — усваиваемость около десяти. Если я не увеличу дозу, а увеличу биодоступность — то есть сделаю так, чтобы организм усвоил больше из того, что уже есть...

— Как?

— Размер частиц. — Артём взял пестик — тот самый, которым Ефрем угрожал ему в первый день, — и начал перетирать «ивовый цвет» из склянки. — Если уменьшить размер частиц эссенции, площадь контакта с субстратом возрастет. Больше площадь — быстрее и полнее усвоение. Это называется микронизация. Промышленная фармацевтика додумалась до этого в шестидесятых. — Он тёр, пока порошок не стал почти невидимым — тоньше муки, тоньше пудры. — Теперь добавляю в субстрат.

Он высыпал микронизированный «ивовый цвет» в медную ёмкость. Добавил катализатор. Помешал — по часовой, как велено. Жидкость помутнела, потом начала светлеть — быстрее, чем по рецепту.

— Три капли виталиса, — сказал Артём. — Как в стандарте?

Ефрем протянул пузырёк с золотистой каплей. Артём взял пипетку — грубую, стеклянную, без градуировки. Набрал. Одна капля. Две. Три.

На третьей капле раствор изменил цвет. Не просто помутнел — засветился. Слабое золотистое мерцание из глубины. Ефрем подался вперёд.

— Это... — Он не договорил.

Артём понюхал. «Ивовый цвет», но насыщеннее, ярче, с тем самым мерцающим оттенком виталиса — не следами, как в аптечном пойле, а настоящим, полным, живым. Он набрал глоток в маленький стаканчик и выпил.

Контактный дерматит на ладонях исчез. Не приглушился — исчез. За секунду. Как выключатель. Боль в шее, которую он даже не замечал — от ночи на тюфяке, — тоже ушла. Голова стала легче. Мышцы расслабились.

— Работает, — сказал он. — Одна доза вместо десяти.

Ефрем смотрел на него так, как будто Артём только что повернул вспять реку.

— Ты не изменил рецепт, — сказал старик медленно. — Те же ингредиенты. То же количество. Ты изменил... размер?

— Размер частиц эссенции. Площадь контакта с субстратом. Биодоступность. — Артём поставил стаканчик. — Если я добавлю ещё один шаг — предварительное растворение эссенции в горячем масле перед введением в субстрат, — то смогу повысить усвояемость ещё процентов на тридцать. Это не магия. Это механика.

Ефрем открыл рот, закрыл. Встал. Прошёлся вдоль стеллажа, потрогал склянки — машинально, не глядя. Потом повернулся.

— Я тридцать лет подавал прошения, чтобы изменить субстрат. Орден отказывал. А ты... ты не тронул субстрат. Ты изменил, как эссенция с ним взаимодействует.

— Именно.

— Сколько это стоит?

— Пестик и десять минут работы.

Ефрем сел. Потёр лицо ладонями. Когда он отнял руки, в его глазах было что-то, чего Артём не видел раньше: не любопытство, не расчёт — надежда. Тусклая, осторожная, как первый проблеск рассвета в пасмурный день.

— Ещё раз, — сказал старик. — Покажи ещё раз. Мне надо убедиться, что я не пьян.

Артём показал. Тот же результат. Ефрем проверил сам — скептически, придирчиво, пробуя на языке, нюхая, поднося к свету. Раствор мерцал золотом.

— Десятикратная эффективность, — сказал он, — за ту же цену. За треть цены, если учесть, что дозировка меньше.

Потом он замолчал. И молчание было тяжёлым — молчание человека, который тридцать лет бился в стену, и стена вдруг оказалась дверью.

Артём решил проверить границы.

Он взял формулу обезболивающего — ту, что уже работала, — и начал варьировать. Больше виталиса — сильнее эффект? Он набрал четвертую каплю.

— Осторожно, — сказал Ефрем из-за спины. — Четвёртая — это уже...

Артём капнул. Раствор вспыхнул.

Не метафорически — буквально. Из медной ёмкости выстрелил столб зелёного пламени высотой в локоть. Колба на соседнем стеллаже лопнула от жара. Пергамент с таблицей Артёма — тот самый, ночной, — загорелся мгновенно. Огонь лизнул край стола, перекинулся на деревянную подставку.

Ефрем действовал быстрее, чем Артём успел испугаться. Мокрая тряпка — у старика она всегда висела на крюке у перегонного куба, как у повара полотенце — накрыла ёмкость. Вторая — стол. Третья — пергамент, но было поздно: угли и пепел, таблица погибла. Ефрем растоптал оставшиеся искры, обжёг ладонь, выругался длинно — Артём не понял половины слов, но интонация была универсальной.

Дым рассеивался медленно. Пахло палёным деревом и чем-то кислым — виталис при сгорании давал едкий зеленоватый дым, который щипал глаза и горло. На потолке — чёрное пятно копти размером с тарелку. Одна из склянок на соседнем стеллаже треснула, и из неё медленно капало что-то тёмное.

Артём стоял, сжимая пустую пипетку, и чувствовал, как руки мелко дрожат. Адреналин.

— Четвёртая капля, — сказал Ефрем, дуя на обожжённую ладонь. — Я предупреждал.

— Ты сказал «осторожно». Ты не сказал «вспыхнет».

— Потому что я не знал, вспыхнет ли. — Ефрем сел на ступеньку. — Я говорил: виталис непредсказуем. Четвёртая капля могла усилить зелье, могла ничего не сделать, могла вспыхнуть. Угадать нельзя. Формулы нет.

Артём посмотрел на закопчённый потолок. В его мире, когда реагент вёл себя непредсказуемо, это означало одно: модель неполна. Переменная не учтена. Данных недостаточно. Это не было мистикой — это была нерешённая задача.

Но нерешённая задача с зелёным огнём, который мог сжечь мельницу, — это не академический вызов. Это мина. Артём понял кое-что, чего не понимал вчера, когда стоял в лаборатории и представлял, как будет варить лучшие зелья: он знал, как работает салициловая кислота, но не знал, как работает виталис. А без виталиса зелье — суп. С виталисом — бомба. Его преимущество — понимание принципов — действовало ровно до того порога, где начинался виталис. Дальше — интуиция Ефрема и удача. А у Артёма не было ни того, ни другого.

Смирение было незнакомым чувством. Он привык быть самым умным в комнате — не из тщеславия, а по факту: шестнадцать лет работы с веществами давали преимущество перед любым алхимиком. Но виталис обнулял это преимущество за четверть секунды. Одна лишняя капля — и пожар. Следующий раз — может быть, взрыв.

— Ефрем, — сказал он. — Мне нужно больше знать о виталисе. Не рецепты — механику. Почему он ведёт себя так, а не иначе.

Ефрем развёл руками.

— Если бы я это знал — я бы не сидел на мельнице.

Они спустились в подвал.

Артём не знал, что под мельницей есть подвал — ниже лаборатории, за тяжёлой дубовой дверью, которую Ефрем отпер ключом, висевшим на шее. За дверью — каменная ниша с низким потолком, пахнувшая сыростью и старой пылью. На стене — карта.

Не бумажная, не пергаментная — нарисованная прямо на камне, углём и охрой. Линии, разветвления, тупики. Подписи корявым почерком Ефрема. Стрелки, крестики, пометки: «затоплено», «обвал», «воняет», «не ходил дальше — странный звук». Карта подземных ходов под Тервином.

— Катакомбы, — сказал Ефрем. — Старше города. Может, старше королевства. Никто не знает, кто их копал и зачем. Орден использовал часть верхних уровней под хранилища — лет сто назад, потом забросил. Я исследовал за тридцать лет вот это. — Он обвёл рукой примерно треть карты. — Дальше не ходил.

— Почему?

Ефрем помолчал. Потрогал стену у края карты, где линии обрывались и начиналось пустое пространство.

— Там... странно. Звуки. Запахи. Воздух движется, хотя вентиляции нет. Один раз я видел свет — далеко, в тоннеле, который вёл вниз. Не факел, не фонарь. Постоянный свет. Я не пошёл дальше. — Он убрал руку. — Но если Орден придёт сюда — наверх, на мельницу, — ты уходишь вниз. Вход — через люк в полу лаборатории, под перегонным кубом. Лестница — двадцать три ступени. Первый поворот — налево. Дальше по стрелкам. Через двести шагов — выход в овраг за городской стеной.

Артём смотрел на карту. Запоминал. Двадцать три ступени. Налево. Стрелки. Двести шагов.

— А дальше отмеченного? — спросил он. — Если не в овраг, а вглубь?

— Не ходи вглубь, — сказал Ефрем. — Там — то, куда ушёл тот алхимик из легенды. И не вернулся.

Артём кивнул. Но глаза его задержались на пустом пространстве карты — там, где линии обрывались и начиналась неизвестность. Свет, который Ефрем видел в глубине. Постоянный свет. Что светит под землёй без огня?

Ефрем запер дверь подвала и спрятал ключ обратно под рубаху.

Вечером Артём лежал на тюфяке и смотрел в потолок. Ефрем храпел на своей койке — ровно, глубоко, с присвистом.

Итоги дня. Плюсы: он мог улучшить обезболивающее в десять раз, не меняя ингредиентов. Принцип микронизации работал. Биодоступность — работала. Его знание фармакокинетики здесь было оружием, которого ни у кого не было.

Минусы: виталис. Одна лишняя капля — пожар. Модели нет. Контроля нет. Он мог улучшить всё, что не связано с виталисом, но виталис был в каждом зелье. Как гравитация — можно игнорировать, пока не упадёшь.

Он перебирал в памяти то, что узнал за день. Эссенции = действующие вещества. Субстраты = эксципиенты. Катализаторы = катализаторы. Три столпа из четырёх укладывались в его модель мира, как детали в пазл. А четвёртый — виталис — был куском от другого пазла, вбитым сюда силой.

И всё же: зелье-то работало. Три капли виталиса — и обезболивающее стало настоящим лекарством. Четыре — пожар. Где-то между тремя и четырьмя проходила граница, которую Артём не видел, но Ефрем чувствовал. Интуиция, наработанная десятилетиями. Не наука — ремесло.

Артём не привык доверять ремеслу. Он привык доверять данным. Но данных по виталису не было — ни в этом мире, ни тем более в его. Только рецепты, суеверия и легенда о замурованной лаборатории, в которой кто-то нашёл суть виталиса и не вернулся.

Может быть, думал Артём, для начала данные и не нужны. Начать с того, что работает. Микронизация. Биодоступность. Предварительное растворение. Всё, что он может улучшить без четвёртой капли. А виталис — оставить на потом. Понять его — задача не дня и не недели. Но три капли — три стабильные, предсказуемые, рецептурные капли — уже хватало, чтобы сделать зелье, которое будет работать лучше любого аптечного.

Проблема была в другом. У него было зелье, но не было рынка. Он не знал, кому продавать, как продавать, где продавать. Он не знал чёрного рынка Тервина. Не знал его языка, его правил, его людей.

Артём перевернулся на бок. За окном мельницы мерцали фонари Тервина. Где-то внизу, в Нижнем городе, жила та самая очередь из стариков, грузчиков и женщин с детьми, которые стояли у закрытых дверей аптек и ждали. Они не знали, что на мельнице на холме человек из другого мира только что сварил зелье, которое могло изменить их жизнь.

Он ещё не знал, как его до них довезти.

Но он найдёт способ.

Глава 4: Хромая удача

На следующий день они варили.

Ефрем доставал реагенты — осторожно, экономно, пересчитывая каждую щепотку «ивового цвета» и каждую каплю виталиса. У него был запас: не в том пузырьке, что показывал на уроке, а в других — несколько склянок, спрятанных в нише за стеллажом, замотанных в промасленную тряпку. Виталис, копившийся годами: склянка за склянкой, по капле, выменянный у бывших коллег и добытый самим из дубовой коры в полнолуние. Артём не спрашивал, зачем Ефрем их хранил. У изгнанного алхимика были свои причины.

Артём варил. Микронизация — перетирание «ивового цвета» пестиком до невидимого порошка, десять минут на порцию, руки ныли от монотонности. Субстрат — чистая вода, трижды перегнанная. Катализатор — щепотка медного порошка, каждый раз одинаковая, отмеренная кончиком ножа. Три капли виталиса — ни капель больше. Помешивание по часовой стрелке, пока раствор не засветится. Остудить. Разлить. Закупорить.

Ефрем стоял рядом, следил за руками, иногда поправлял — наклон пипетки, угол помешивания, момент, когда убрать с огня. Не командовал — подсказывал. Как старый хирург, который ведёт руку интерна, не перехватывая скальпель. К вечеру на столе стояли двенадцать пузырьков — мутное стекло, притёртые пробки, внутри — золотисто-мерцающая жидкость, которая была в десять раз эффективнее всего, что продавалось в аптеках Тервина.

Артём выпил глоток из одного — контроль качества. Дерматит на ладонях исчез за секунды. Работает.

— Куда пойдёшь? — спросил Ефрем.

— Нижний город. Ночной рынок.

— Один?

— У меня нет никого, кроме тебя. А ты — известный Ордену.

Ефрем не спорил. Он знал, что прав: его лицо было в орденских списках. Любой дознаватель, любой осведомитель мог опознать старого изгнанника. Артём — другое дело: никто в Тервине не знал его в лицо. Пока.

— Не говори лишнего, — сказал Ефрем. — Не называй состав. Не объясняй, как работает. Покажи товар — и всё. Если кто спросит, откуда, — скажи, что от деревенского знахаря. И не продавай дознавателям. Их видно: серые плащи, ровная осанка, чистые руки. У людей, которые покупают зелья в Нижнем городе, руки не бывают чистыми.

Артём спрятал двенадцать пузырьков в холщовую сумку и перекинул через плечо.

Ночной рынок Нижнего города оказался не тем, что Артём себе представлял.

Он ожидал тесных прилавков и шёпота. Получил — хаос. Стихийное торжище занимало три переулка между портовыми складами и рекой: факелы в железных корзинах на стенах, запах жареного сала, гнилой рыбы и чего-то химического — кто-то где-то варил самогон, и запах этанола был единственным знакомым якорем. Люди — десятки, может, сотни — толкались, торговались, ругались. Продавали всё: еду, тряпье, ножи, краденые безделушки, какие-то амулеты из кости, свечи. Никаких аптечных зелий — по крайней мере, на виду.

Артём влился в толпу и попытался понять логику. Кто продаёт, кто покупает, кто просто стоит. Через десять минут осознал: логики нет. Или есть, но он её не видит, потому что не знает кодов. Кто кивает кому, кто отводит глаза, кто стоит спиной к стене и наблюдает — всё это было языком, которого он не знал. Как формула с переменными, значения которых не прописаны.

Он подошёл к первому, кто показался подходящим: мужчина средних лет, худой, с тяжёлым кашлем, стоявший у стены и ждавший непонятно чего.

— Обезболивающее, — сказал Артём тихо. — Эффективнее аптечного. Дешевле.

Мужчина посмотрел на него. Потом — сквозь него. Развернулся и ушёл. Не сказал ни слова.

Вторая попытка — женщина с обветренным лицом, продававшая варёную репу с лотка. Артём достал пузырёк, показал.

— Обезболивающее. Лучше, чем в аптеке. Половина цены.

Женщина отшатнулась, как будто он показал ей крысу.

— Уйди, — прошипела она. — Ордена подсадка.

— Я не из Ордена.

— Все так говорят. Уйди.

Третья — старик с палкой, явно с больными суставами. Артём подошёл мягче:

— Я вижу, что болят ноги. У меня есть средство, которое...

Старик ударил его палкой по руке. Не сильно — предупреждающе. И захромал прочь.

Четвёртая попытка оказалась хуже. Артём подошёл к группе грузчиков, пивших что-то из общего котелка у костра. Начал говорить — и один из них встал, положил руку на нож у пояса и тихо сказал:

— Ещё слово — и я решу, что ты стукач. А стукачей у нас в реке находят.

Артём отступил. Молча. Быстро.

Он стоял посреди рынка с горящей кистью — палка старика оставила красную полосу — и двенадцатью пузырьками в сумке, из которых не продал ни одного. Прошёл час. В аптеке Ордена за этот час он продал бы всё — но он был не в аптеке, а на дне, где ему не доверяли, не верили и не хотели верить. Он был чужаком. Чужаки на ночном рынке Нижнего города — это либо Орден, либо грабители. И то, и другое — повод уйти.

Профессиональная деформация мешала. Артём привык к рациональным людям: ты показываешь данные, собеседник их оценивает, принимает решение. Здесь данные не работали. Здесь работало доверие, которого у него не было, и репутация, которой не существовало.

Он сел на каменную ступеньку у стены и попытался думать. Очки запотели — от факельного дыма и от влажного воздуха с реки. Он протёр их полкой рубахи.

В этот момент кто-то залез к нему в сумку.

Он почувствовал не рукой — сумка качнулась, чуть потяжелев с одной стороны и полегчав с другой. Обернулся — слишком поздно. Мелькнула тень: невысокая фигура, тёмный плащ на голове, быстрые движения. Через секунду фигура уже была в переулке.

Артём вскочил, проверил сумку. Одиннадцать пузырьков. Одного не хватало.

Он бросился в переулок. Тёмный, узкий, пахнувший мочой и мокрым камнем. Стены домов сходились так близко, что можно было коснуться обеих, раскинув руки. Факельный свет не доставал сюда — только отблески, рыжие и дрожащие, на мокрых булыжниках.

Фигура — впереди, метрах в двадцати. Он побежал. Фигура не бежала — шла быстро, но неровно. Хромала. Левая нога ступала с задержкой, как будто каждый шаг стоил усилия. Артём бегал плохо — шестнадцать лет за лабораторным столом не делают спринтера, — но хромающего человека догнать мог.

Она свернула раз, другой. Знала переулки — каждый поворот, каждый проём. Артём терял её на секунду и находил снова по звуку — неровные шаги на камне, один тяжелее другого.

Нагнал у тупика — стена, запертая дверь, грязная лужа. Фигура обернулась, и он увидел лицо.

Молодая женщина — лет двадцати пяти, может, моложе, но усталость добавляла. Худая, жилистая, с тёмными глазами и острыми скулами. Платок съехал, открыв коротко стриженные волосы. В правой руке — его пузырёк. Пробка была уже вынута. Пузырёк — пуст.

Она выпила.

Артём остановился. Смотрел на неё. Она смотрела на него — настороженно, как зверь, который ещё не решил, бежать или кусать. Потом её лицо изменилось. Медленно, как будто

кто-то поворачивал ручку громкости. Напряжение в скулах ушло. Плечи, подтянутые к ушам, опустились. Она перенесла вес на левую ногу — ту, хромую, — и не поморщилась.

— Что это? — спросила она. Голос был низкий, хрипловатый.

— Обезболивающее.

— Это не обезболивающее. Обезболивающее из аптеки я пила. Оно не работает. Это — работает.

Она стояла на обеих ногах ровно, впервые — Артём был уверен — за долгое время. Левая нога не подворачивалась, не дрожала. Зелье работало: салициловая кислота, микронизированная до молекулярного уровня, с полной биодоступностью и тремя каплями виталиса.

— Ты его украла, — сказал Артём.

— Я его проверила. — Она помолчала. — Если бы ты продавал дерьмо, как все на этом рынке, — я бы ушла. Но это не дерьмо.

Она достала из-за пазухи второй пузырёк — тоже его, вытасченный из сумки. Артём не заметил. Два, не один. Он пересчитал — в сумке осталось десять. Она стянула два и выпила только один. Второй держала в руке, вертела между пальцами — длинными, ловкими, с обкусанными ногтями.

— Два пузырька. — Артём смотрел на её руки. — Я заметил только один.

— Если бы ты заметил оба — я бы не пришла обратно. — Она чуть наклонила голову. — Ты варишь хорошо. Считаешь — плохо. На рынке это смертельно.

— Верни, — сказал он.

Она не вернула. Подкинула пузырёк на ладони, поймала.

— Я верну тебе больше, чем украла. — Она кивнула в сторону рынка. — Ты час бродил по рынку и не продал ни одного. Я видела. Ты не знаешь, как это работает.

— А ты знаешь?

— Я выросла здесь. — Она привалилась к стене, и Артём заметил: левую ногу она по-прежнему не щадила. Зелье держало. — Меня зовут Тамира. Я знаю каждого нищего, каждого вора, каждого скупщика в Нижнем квартале. Знаю, кто болеет, кто платит, кто стукач Ордена. Знаю, где продавать, чтобы не попасться, и как назначить цену, чтобы купили.

— И чего ты хочешь?

— Долю.

Артём смотрел на неё. Двадцать пять лет, хромая нога, быстрые руки, быстрый ум. Воровка, которая не смогла больше воровать — хромота не позволяла — и искала другой способ выжить. Она не просила милостыню и не предлагала услуги. Она предлагала партнёрство. На равных.

— Какую долю?

— Половину.

— Это много.

— Это справедливо. Ты варишь — я продаю. Без меня ты будешь ходить по рынку до утра и вернёшься с полной сумкой. Без тебя у меня нет товара. Половина — для каждого.

Логика была безупречной. Артём знал: в его мире фармкомпания тратила больше на маркетинг и дистрибуцию, чем на разработку. Производство — тридцать процентов стоимости. Продажа — семьдесят. Тамира просила пятьдесят. Это была скидка.

— Покажи, — сказал он.

Тамира работала, как хирург.

Она взяла у него пять пузырьков и повела его обратно на рынок, но другой дорогой — через задворки, мимо прачечных и ночлежек. Не к толпе, не к прилавкам — к людям, которых Артём не видел. К тем, кто стоял в тени, сидел на корточках в подворотнях, лежал на тряпках у стен.

Первой была старуха с распухшими руками — узловатые пальцы, неспособные разогнуться. Артрит, или то, что здесь называлось иначе.

— Бабка Сойга, — шепнула Тамира. — Стирала на весь квартал, пока руки не отказали. Теперь живёт у дочери и мучается.

Тамира подошла, присела рядом, что-то сказала на ухо. Старуха посмотрела на пузырёк — с тем же недоверием, с каким на Артёма смотрели все. Тамира настояла. Старуха взяла, выпила. Через минуту — Артём видел — её пальцы дрогнули. Шевельнулись. Медленно, неловко, с хрустом, но — разогнулись.

Старуха смотрела на свои руки, как на чудо. Потом — на Тамиру. Потом полезла за пазуху и достала три медяка — грязных, мятых.

— Не надо, — сказала Тамира. — В этот раз — бесплатно. Но завтра — полмеди. Расскажи соседям.

Старуха кивнула. Три медяка исчезли обратно за пазуху.

— Бесплатно? — шепнул Артём, когда они отошли.

— Первая доза всегда бесплатно. — Тамира не обернулась. — Завтра она расскажет соседке. Соседка расскажет подруге. Через три дня у нас будет очередь. Это не благотворительность. Это вложение.

Артём открыл рот и закрыл. В его мире это называлось «бесплатный образец продукта». Pharma 101.

Вторым был подмастерье кузнеца — парень лет семнадцати с перевязанной рукой. Ожог, судя по повязке. Тамира заговорила с ним, он показал руку — кожа красная, вздувшаяся, мокрая. Зелье от ожогов у Артёма не было, но обезболивающее сняло бы воспаление и притупило боль. Тамира дала пузырёк. Парень выпил, через минуту перестал морщиться. Заплатил медяк — всё, что было.

— Полмеди, — сказала Тамира. — Сдачу — завтра.

Парень кивнул и ушёл, не оборачиваясь. Но уже двигался иначе — не как человек, который прячет боль, а как человек, у которого боли нет.

Третья — прачка из портового квартала, лет сорока, с лицом, постаревшим раньше времени. Она стояла у колодца, согнувшись вбок, и не могла набрать воды — поясница не давала наклониться. Спина. Артём видел это десятки раз в наркологических клиниках: хроническая боль в пояснице, от которой люди сходили с ума, подсаживались на опиаты, теряли работу, семью, всё. Здесь опиатов не было. Были аптечные зелья, которые не работали, и боль, которая никогда не уходила.

Тамира заговорила с ней — тихо, по-свойски, как с соседкой, а не как продавец с покупателем. Прачка не хотела. Тамира настояла — без нажима, просто протянула пузырёк и сказала: «Хуже не станет.» Прачка выпила. Помолчала. Медленно, осторожно, как будто не верила, выпрямилась. Руки, которые висели вдоль тела, поднялись к лицу — и прачка закрыла ими рот, потому что оттуда рвался звук, который был одновременно смехом и рыданием.

— Полмеди, — сказала Тамира мягко. — Если нет сейчас — завтра. Я найду.

Пять пузырьков ушли за два часа. Три — бесплатно (вложение), два — за медяки. Артём стоял у стены, смотрел, как Тамира работает, и чувствовал то, чего не чувствовал ни разу за шестнадцать лет в фармацевтике: связь между веществом и человеком. Не «пациент номер 47, группа плацебо, побочный эффект — тошнота» — а бабка Сойга, чьи пальцы разогнулись. Парень-кузнец, который перестал морщиться. Прачка, которая выпрямилась.

В его мире между ним и пациентом стояли клинические испытания, комитеты по этике, маркетинговые отделы, дистрибьюторские цепочки и юридические отказы от ответственности. Здесь — три шага. Пузырёк. Лицо.

Он достал оставшиеся пять пузырьков и отдал Тамире.

— Остальные — на твоё усмотрение.

Тамира посмотрела на него. Впервые — не оценивающе, не деловито. С чем-то похожим на уважение.

— Умный, — сказала она. — Делаешь то, что умеешь. Остальное — кому умеет.

Она ушла в переулки. Вернулась через полтора часа с пустыми руками и горстью медяков. Все пять проданы. Полмеди за штуку — вдвое дешевле аптечного, которое не работало.

Они сидели на ступеньках у заброшенного склада, и Тамира считала выручку — горсть мелких монет. Из десяти розданных пузырьков три ушли бесплатно, семь — за полмеди каждый. Не богатство. Но Артём смотрел не на медяки.

Он смотрел на Тамиру. На то, как она пересчитывала монеты, перекладывая из ладони в ладонь — быстро, привычно, как человек, для которого деньги были не абстракцией, а единицей выживания. На хромую ногу, вытянутую вперёд — зелье ещё действовало. На тёмные глаза, в которых расчёт сочетался с чем-то, что Артём не сразу распознал. Не доброта — скорее, знание. Она знала этих людей. Знала бабку Сойгу, знала прачку, знала парня-кузнеца. Не по именам — по боли. Она жила среди них и видела, как они болеют, и не могла помочь, потому что аптечные зелья стоили дневной заработок и не работали.

Теперь могла. И это было не благотворительностью — это был бизнес. Лучший вид бизнеса: тот, где деньги и польза идут в одну сторону.

— Завтра, — сказала Тамира, пряча медяки за пазуху, — нужно больше. Десять — это ничего. Нужно тридцать. Пятьдесят.

— У нас ограниченный запас виталиса.

— Сколько?

— Дней на десять, если варить по двенадцать в день.

Тамира помолчала. Прикусила губу, думая.

— Десять дней. Сто двадцать пузырьков. Шестдесят медяков, если по полмеди. Минус бесплатные образцы — допустим, сорок пять медяков чистыми. Хватит, чтобы купить ещё виталиса?

— Виталис контролирует Орден, — сказал Артём.

— Орден контролирует легальные источники. — Тамира посмотрела на него так, как смотрят на ребёнка, который думает, что молоко берётся из магазина. — Есть другие. Не спрашивай пока — я узнаю. Дай мне пару дней.

Артём кивнул. Пара дней. Сто двадцать пузырьков. Сорок пять медяков. И Тамира, которая знала Нижний город так, как он знал периодическую таблицу.

Он встал. Ноги затекли — он просидел на каменных ступеньках три часа и не заметил.

— Тамира.

Она обернулась. Уже на ногах, уже уходя — быстрая, несмотря на хромоту. Как будто хромота была не ограничением, а частью её ритма.

— Зелье на ноге продержится до утра. Потом боль вернётся.

— Знаю. — Она не остановилась. — Поэтому мне нужен постоянный поставщик. А тебе — постоянный продавец. Видишь, как это работает?

Она исчезла в переулке. Артём стоял в темноте, с пустой сумкой и горстью медяков в кармане, и улыбался. Впервые за четыре дня в этом мире.

Не потому что заработал деньги. Не потому что нашёл партнёра.

А потому что бабка Сойга разогнула пальцы. И прачка выпрямилась. И парень перестал морщиться.

Шестнадцать лет в фармацевтике — и ни разу он не видел, как его работа меняет чужое лицо. Здесь увидел. За один вечер.

Он пошёл обратно, к мельнице на холме. Город засыпал — фонари на левом берегу тускнели, дозорные на мосту зевали в кулак. Артём шёл по тёмным улицам и не боялся. Не потому что стал храбрым — потому что впервые за четыре дня знал, что делать завтра.

В голове уже считались формулы: сколько виталиса нужно на партию, как оптимизировать процесс микронизации, можно ли сократить время варки с часа до сорока минут. Двенадцать пузырьков в день — потолок для одного. С помощником — двадцать. С двумя перегонными кубами — тридцать. Масштабирование. Стандартизация. Контроль качества. Всё то, чем он занимался шестнадцать лет в институте, только теперь — без института, без лицензии, без страховки, без юридического отдела.

И без бюрократии, которая хоронила каждую хорошую идею под четырьмя годами рассмотрения прошений.

Фармхимик работал. Человек — впервые за долгое время — чувствовал.

Глава 5: Сеть

Тамира сдержала слово.

Через два дня после ночного рынка она пришла на мельницу — впервые. Ефрем открыл дверь, увидел хромую девицу с тёмными глазами и холщовым мешком через плечо, и посмотрел на Артёма так, как будто тот привёл в дом бродячую кошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.